

DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.004

К ПРОБЛЕМЕ АРХАИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ИЗАФЕТНОЙ МОДЕЛИ В СИНТАКСИСЕ СОВРЕМЕННОГО ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

З.Х. Догузова

Проблема функционирования устаревших и непродуктивных форм в современном осетинском языке является достаточно актуальной. Устаревшие элементы на всех уровнях составляют огромный пласт в родном языке. В статье предпринята попытка анализа именных сочетаний в синтаксисе осетинского языка, которые, несмотря на свой архаичный облик, достаточно продуктивны наряду с другими, распространенными в современном осетинском языке определительными конструкциями. Выявлено несколько моделей синтаксических конструкций, в которых представлены устаревшие синтаксические конструкции изафетной модели. Исследование проведено с учетом лингвокультурологических и грамматических особенностей осетинского языка. Рассматриваются типы инверсионных конструкций изафетной модели, в основном характерные для синтаксиса иранских языков: сочетание двух имен существительных, в котором одно – определение, другое – определяемое. Речь идет о позиции определения по отношению к определяемому, сохранившейся в языке осетин. Это специфические модели синтаксических конструкций, в которых, вопреки общепризнанной закономерности, определение находится в постпозиции (за определяемым словом). Особенность данной модели – оформление по типу генитивных конструкций, что же касается типа связи – то атрибутивная. Этих видов словосочетаний (изафетного типа) в современном осетинском языке несколько. Перед нами особого рода конструкции, статус которых надо четко обособить. В учебниках осетинского языка подобные конструкции не отмечаются в разделе синтаксиса, и это при том, что частотность употребления данной синтаксической модели достаточно высокая. Цель исследования: изучение сущности этих конструкций, определение их функциональной и семантической роли в современном осетинском языке.

Ключевые слова: осетинский язык, синтаксический архаизм, определительные конструкции, изафет.

Для цитирования: Догузова З.Х. К проблеме архаичных конструкций изафетной модели в синтаксисе современного осетинского языка // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 50 (89). С.72-82. DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.004

Проблема функционирования устаревших и непродуктивных форм в современном осетинском языке является актуальной. Это обусловлено тем, что язык – категория историческая, развивающаяся. В синхронном срезе любой языковой системы закономерно сохраняются архаичные элементы прошлых эпох. Архаизмами в лингвистической науке принято называть устаревшие

слова, грамматические формы и синтаксические конструкции, обозначающие предметы, явления, действия, вышедшие из употребления вследствие замены их новыми, но имеющие синонимы в современном языке [1, 47].

Совершенно очевидно, что при всей древности осетинского языка в процессе исторического развития на него наслоились относительно новые

языковые факты. Как известно, не менее двух тысяч лет осетины являются кавказским народом, создавшим на протяжении данного временного среза культурно-языковую общность с другими народами Кавказа. По этому поводу В.И. Абаев пишет, что «кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, идиоматику», многие слова из ядерной лексики языка частично вытеснены словами, пришедшими в осетинский посредством кавказского субстрата. Тем не менее, осетинский хорошо сохранил основной, неотчуждаемый фонд языка, имеющий иранскую основу. В продолжение своей мысли ученый разъясняет: «Осетинский синтаксис носит двойственный характер. Кое в чем он продолжает традицию иранских языков, но, по ряду признаков, тяготеет к кавказским и тюрко-монгольским языкам: обязательное предшествование определения, система послелогов и др.» [2, 25].

Для современного осетинского синтаксиса обязательна препозиция определения, эта закономерность отражена в научных описаниях осетинской грамматики в трудах многих авторитетных ученых.

Но, несмотря на разноаспектность научных изысканий – и диахронического, и синхронического характера – в синтаксисе осетинского языка все еще остаются темные или недостаточно освещенные места. Наша работа не ставит перед собой цели изложения всей системы синтаксиса: это завело бы нас слишком далеко. Поэтому ограничимся специфическими моделями син-

таксических конструкций, в которых, вопреки общепризнанной закономерности, определение находится в постпозиции (за определяемым словом). Несмотря на свой архаичный облик, такие сочетания являются достаточно продуктивными наряду с другими, распространенными в современном осетинском языке, определительными конструкциями. В учебниках осетинского языка подобные конструкции не отмечаются в разделе синтаксиса, и это притом, что частотность употребления данной модели достаточно высокая. Перед нами особого рода конструкции, статус которых надо четко обособить. Для удобства будем их характеризовать как *конструкции изафетной модели*.

Ученые о конструкциях изафетной модели в осетинском языке

Данные синтаксические конструкции привлекают внимание исследователей своей оригинальностью (инверсионным способом образования), а также вводят в заблуждение исследователей своим внешним формальным сходством с типичными генетивными сочетаниями. (см. подробнее о генитиве: [3, 124]). Вопреки общему правилу, конструкции, аналогичные изафетным, где определение следует за определяемым, композиты соединяются с помощью показателя *-ы*: *Асиат-ы рæсугъд* ‘Асиат красивая’; *фыд-ы зæронд* ‘отец старый’; *цъыззы-й-ы къууылых* ‘мошка хромая’; *Бибо-й-ы фидиссаг*, ‘Бибо-позорник’ и т.д.

В современном осетинском языке посессивность выражается морфологически, т.е. специальным аффик-

сом-окончанием родительного падежа *-ы*, в составе того слова, которое обозначает обладателя (посессора): *фыд-ы хæдзар* – букв. ‘отца дом’, *Коста-й-ы сфæлдыстад* – букв. ‘Коста-ген. творчество’, *бæлас-ы къалиу* – букв. ‘деревя ветка’, *чиныдж-ы сыф* – букв. ‘книги страница’ и т.д. В рассматриваемых сочетаниях компоненты не связаны по принципу принадлежности, поэтому условно назовем их псевдогенетивными, несмотря на одинаковую морфологическую маркировку.

Особенность данной модели – оформление по типу генитивных конструкций, что же касается типа связи – выражает атрибутивную. (Подробнее об атрибутивных конструкциях в осетинском языке см.: [4, 82-89].)

Изафетная модель может выступать в разных синтаксических контекстах, при этом она всегда может быть заменена на современные формы (с определением в препозиции). Приведем примеры из литературных текстов, заменяя их современной формой. Ср.: *Цы зæгъут, мæ хуры чысылтæ?* – *фæлмæн хъæлæсæй сæ бафарста Биганон.* – «Что вы говорите, мои маленькие солнышки?» – мягким голосом спросила их Биганон. (А. Коцойты. Дадолты мæт). Сочетание *хуры чысылтæ* допускает замену на семантически тождественную современную форму *чысыл хуртæ*. Пример для сравнения:

– *Мæ хуры чысыл,*
Куыд р æсугъд д æ, куы!

«Мое солнышко маленькое,
Как же ты красива!»

(Коста. Халон æмæ рувас).

Æфсины хорз (допускает замену *хорз æфсин*) *чындзыл зыны, чындзы хорз* (допускает замену *хорз чындз*) *та æфсиныл.* – «Хорошая свекровь отражается на снохе, а хорошая сноха – на свекрови» (осет. поговорка).

Семантический смысл подобных сочетаний зачастую можно определить только по контексту. Для большей наглядности сравним два предложения:

1) *Сосланы куыдз* (допускает замену *куыдз Сослан*) *мын мæ мызд йæ афоныл нæ фиды.* – «Сослан-собака мне мою зарплату вовремя не выплачивает».

2) *Сосланы куыдз* (допускает замену *Сосланæн йæ куыдз*) *мыл фæх æцыд.* – «Сослана собака укусила меня».

Перед нами два весьма распространенных типа определительных конструкций: качественный и притяжательный. В данном случае обе конструкции морфологически оформлены одинаково, но семантически разнятся. В конструкции 1) *Сосланы куыдз/Сослан собака*, где «*куыдз/собака*» – качественное (пейоративное) определение к определяемому «*Сослан*». Главное слово оформлено показателем *-ы*, природе которого в осетинском еще предстоит изучить. Здесь *Сослан-ы куыдз* можно преобразовать в стилистически более нейтральную форму *куыдз Сослан*, в обоих случаях в значении «собака Сослан» или «Сослан собака». В данном контексте (*Сосланы куыдз*) выступает как аффективно окрашенное сочетание.

В предложении 2) *Сосланы куыдз/собака Сослана* компоненты находятся в посессивной связи между собой. Этот оборот допускает преобразова-

ние в развернутую форму: *Сосланæн йæ куйдз*, что будет означать «Собака Сослана». Датив определения с притяжательным местоимением *йæ*, где обладатель принимает маркировку дательного падежа – модель, весьма характерная для типичных генетивных сочетаний в осетинском языке.

Эти специфические конструкции были описаны рядом ученых. В.И. Абаев посвятил этим конструкциям отдельную, очень содержательную статью «Выражения *ce fripon de valet* в осетинском» (*Folia linguistica* 1969), где проводит типологические и семантические параллели между аналогичными конструкциями во французском и других романских языках [5, 178–181].

Н.Я. Габараев, обращая внимание на инверсионную модель, пишет о некогда широком использовании в осетинском данной конструкции и о ее рудиментарном характере в современном языке: «Дзырд комбаст-мæ ма ис иу миниуæг: дзырдты равæрд дзы зыгъуымырдаем у. Абоны æгъдаумаæ гæсгæ хъуамаæ дзуриккам *бастком*. Иннаердаем æгъдау гъеныр нал ис не ‘взаджы, фæлаæ кæддæр фидар уыдис æмаæ ма дзы абоны онг дæр цыдæртæ æрхæццæ ис (*фæндараст, ныхкъуырð, уæрагдих, бæрзæйсаст, хурзæрин...*)». – «Сложное слово *комбаст* имеет одну особенность: части слова в нем расположены в инверсионном порядке. По современным правилам мы должны говорить *баст-ком*. И хотя это явление не сохранилось в современном языке, в прошлом оно было закономерным, и отголоски его мы наблюдаем в современном языке...» [6, 39].

К.Е. Гагкаев также отмечал необычный характер связи между определением и определяемым словом. Он утверждал, что «наряду со случаями «нормального» расположения определения и определяемого, наблюдаются случаи, в которых определение оказывается не там, где ему положено быть по общим правилам, не впереди, а позади определяемых ими в предложении слов» [7, 104].

В свое время Г.С. Ахвледиани, рассматривая анализируемые атрибутивные сочетания, ссылается на определенный срез времени в исторической грамматике, который допускал инверсию компонентов в определительных конструкциях: «...в именных атрибутивных словосочетаниях осетинского языка обычно определение стоит впереди определяемого: *бæрзонд бæлас* “высокое дерево”, *арвы хъæр* “гром неба”. Однако в истории осетинского языка был период, когда порядок слов в аналогичных словосочетаниях был более свободным, и определение могло стоять также после определяемого» [8, 49]. Любопытно было бы выяснить, о каком историческом периоде идет речь, и описать состояние синтаксиса того времени в целом. На наш взгляд, такой поэтапный метод исследования пролил бы свет на многие проблемные вопросы. Возможно, обнаружилось бы, под влиянием каких факторов происходили эти инновации, субстратные ли это вкрапления, или это рудиментарное явление прежней, широко распространенной, системы, унаследованной от языкового предка. Ученый далее заключает: «В современном осетинском языке инверсия имеет место не только

в словообразовании, но и в синтаксисе, хотя и в сравнительно ограниченных масштабах. Инверсионные словосочетания типа: определяемое в родительном падеже + имя (обычно прилагательное) в большинстве случаев могут иметь параллельные соответствия с прямым порядком слов. Например: *Мады з æронд* (наряду с *зæронд мад*), *к æрцы къæрид* (наряду с *къæрид кæри*) и др.».

Автор отмечает также, что параллельные формы инверсионных сочетаний не всегда совпадают по своим семантическим и стилистическим оттенкам, в этих сочетаниях Г.С. Ахвледиани усматривает особую семантическую модель «тот, который такой-то», то есть автор отказывает им в семантическом тождестве. Например, *ладжы дзураг* «человек, который разговорчив», *басы сойджын* «суп, который жирный», *уасæджы уасаг* «петух, который часто поет», *баехы уайаг* «конь, который быстро скачет». Сегодня, к сожалению, мы уже не можем узнать мнение ученого по поводу значения и семантического смысла параллельных сочетаний с «прямым порядком слов». Что значит *уасаг уас æг*, *уайаг баех* и т.д.?

На наш взгляд, трансформации не бывают случайными, преобразуясь формально, эти сочетания не теряют семантического облика, они его сохраняют и отражают в новой форме. Обратите внимание, определительные конструкции изафетной модели в современном языке могут преобразоваться в сочетания с той же семантической нагрузкой. Сравним. Застывшая конструкция, выражающая ласковое обращение к ребенку *хуры чысыл*,

в современном языке преобразуется в современную модель *чысыл хур* «маленькое солнце»; *Уафсы бæрзонд* преобразуется в *бæрзонд Уафс* «высокий Уафс»; *Темболы хæрæг* – в *хæрæг Тембол* «осел Тембол»; *Аланы сайæгой* в *сайæгой Алан* «Алан-обманщик» и т. д. Классические генетивные конструкции с семантикой партитивности и посессивности тоже допускают преобразования, не теряя смысла, но уже в другую, более развернутую форму: в датив определения с притяжательным местоимением *йæ*. Сравним: *Чызджы фыд/Чызгæн йæ фыд* (букв. «девушке ее отец») только в значении «отец девушки», *Фæткъуыйы къалиу/Фæткъуый æн йæ къалиу* (букв. «яблоне ее ветка») только в значении «ветка яблони», *Аланы куыдз/Аланæн йæ куыдз* (букв. «Алану его собака») – преобразование только в посессивном значении: «собака Алана».

Для конструкций изафетной модели такая же форма преобразования (датив определения) немыслима **Аланæнæн йæ куыдз маæ фæсайдта* – букв. *«Алана его собака меня обманула» **Бибойæн йæ сайæгой дæр уым уыд*. – букв. *«Бибо-dat. его врун тоже там был» Из приведенных иллюстраций видно, что такому преобразованию поддаются только типичные генетивные (партитивные и посессивные) конструкции. Стало быть, мы имеем возможность их как-то обособить? На наш взгляд, в конструкциях типа определяемое + *-ы* + определение, где *-ы* неизменяемый показатель того, что последующее слово – определение к предыдущему, более того, показатель (*-ы*) маркирует вершину сочетания.

Как показывают наблюдения, наиболее ранние примеры фиксации изафетной модели (и аффиксных, и безаффиксных) в осетинском языке обильно представлены в фольклорных текстах. Приведем примеры:

Сæры стыр (стыр сæр) зондджыны бæрæггæнæннæу. – «Большая голова не показатель ума» (посл.).

Зонды стыр (стыр зонд) сæрæй нæу (посл.) – «Большая голова не означает ум» (посл.).

Адæм **арты мæгуырма (мæгуыр артмæ)** цæуыны, **лæджы мæгуырма (мæгуыр лæгмæ)** нæ цæуыны. – «Люди тянутся к бедному огню, но к бедному человеку не тянутся» (посл.).

Цъыззыйы къуылых (къуылых цъыззы) – пейоративное устойчивое сочетание – букв. «Хромая мошка».

Усы хорз (хорз ус) лæгыл дæр зыны. – «Хорошая жена видна по мужу» (посл.).

Ирон адæм **гæрзты хорз (хорз гæрзмæ)** æмæ **знаджы бирæйæ (бирæ знагæй)** никуы тарстысты. – «Осетины никогда не боялись вооружения хорошего и врагов множество» (посл.).

Гæдыйы уасаг (уасаггæды) мыст нæ ахсы. – «Кошка мяукающая мышей не ловит» (посл.).

Лæджы дзагъыр (дзагъыр лæг) – куыдзы йаргъ, **куыдзы дзагъыр (дзагъыр кудз)** – лæджы йаргъ. – «Бельмо у человека может собаки стоять, бельмо у собаки может человека стоять» (посл.).

Обращает на себя внимание высокая частотность использования рассматриваемых конструкций не только в осетинской паремии, но и в текстах Нартовского эпоса [9, 127].

Еще примеры:

Модель № 1. Одноаффиксная модель; формула образования: имя *-ы* + определение.

1. *Уæ тæхуды, Уырызмæджы зæронд (зæронд Уырызмæг), æмæ лæг куы разынис, Акула рæсугъды (рæсугъд Акулаейы) ардæм чи 'рсаид* – «О, если бы ты, старый Урызмаг, оказался тем, кто приведет сюда красивую Акулу».

2. *Нарты Ахсæртæг æмæ Дзерасæйы рæсугъд (рæсугъд Дзерасæ) уæд сæ иумæйаг бонтæ æрвыстой худгæ æмæ хъазгæ* – «Нарт Ахсартаг и красавица Дзерасса проводили совместные дни, смеясь и радуясь» [10, 29].

Модель №2. Безаффиксная модель.

1. *Уæд иухатт Сайнаг-æлдар (æлдар Сайнаг) æрхуыдта Нарты Уырызмæг, Хæмыц æмæ Сосланы* – «Было однажды Сайнаг-алдар пригласил Нарт Урузмага, Хамица и Сослана» [11, 374].

2. *Нарты сагсур фæсивæдæн -иу с бæхты фынк калдис Агуында рæсугъды цæстмæ хъазынаей, фæлæ сæм уæд дæр Агуында рæсугъд иу хатт дæр нæ ракаст Сау хохы сæрæй* – «Бывало, молодцы нартовские изводили коней, красуясь своей ловкостью и силой перед Агундой красивой, но она ни разу не выглянула к ним с вершины Черной горы» [12, 287].

Уæ тæхуды, Уырызмæджы зæронд, æмæ лæг куы разынис, Акула рæсугъды ардæм чи 'рсаид – «О, если бы ты, Урызмаг старый, оказался мужчиной и заманил бы сюда Акулу красавицу» [13, 222].

Этот контекст содержит две разных модели определительных конструкций, где определяемое также предшествует определению, но в первом сочетании (*Уырызмæдж-ы зæронд*) с маркирован-

ным определением в препозиции, что не соответствует нормам современного осетинского языка.

На первый взгляд, характеризуемое лицо как будто оформлено флексией родительного падежа (*Уырызмадж-ы*), потому что носитель языка привыкает к традиционным, часто употребляемым, формам, воспринимает их как норму, а нечасто употребляемые формы – как отклонение от нормы. Это объясняет, почему буквальный перевод на русский язык дает превратный смысл; ср. букв. Урызмага старый. Напротив, буквальный перевод на персидский язык (и на другие иранские языки) *Орозаг-э нир* не только возможен, но и в точности передает общий семантический смысл, который присущ данной конструкции.

Подобные сочетания в иранских языках называются изафетными конструкциями, где маркер *-э* – маркер изафета. По этой причине в дальнейшей работе анализируемые конструкции для удобства будем условно называть *изафетными*, хотя делать окончательные выводы еще рано.

Рассмотрим вторую модель данного контекста *Акула рæсугъд*: определение снова в постпозиции, определение ничем не оформлено, такие конструкции можно назвать анахронизмами, так как в живом языке почти уже не встречаются. Это – безаффиксная модель изафетного типа. Добавим, что эти оригинальные формы требуют тщательного изучения в осетинском языке: потому что они отражаются в эпосе и мифологии; ср.: *Никкола хорз* букв. ‘Никкола хороший’; *Борæ Фæрныг* букв. ‘Бора, наделенный фарном’, *Агуындаæ рæсугъд*

букв. ‘Агунда красивая’, *Косер рæсугъд* букв. ‘Косер красивая’.

Подобная безаффиксная форма изафета отсутствует в персидском языке, но существует в турецком. Подробнее: [14, 73-74]. В современном осетинском языке используется только в поэтической речи для усиления торжественности и придания эмоционального облика высказыванию. Например: *Судзынц стъалытæ æрвон/ Горят звезды небесные*, вместо *æрвон стъалытæ/небесные звезды* (Кубалов. *Æлгъуызы куывд*).

Определение в связи с собственными именами часто выступает в роли постоянного эпитета: *Дзерасса рæсугъд* «красавица Дзерасса», *Акула рæсугъд* «красавица Акула», *Агуындаæ рæсугъд* «красавица Агунда», *Никкола хорз* «добрый Никкола», *Борæ болатгуыр* «Бора булатнорожденный».

Приведем иллюстрации из собственных наблюдений над современной живой разговорной речью:

Сосо-йы æвзæр (æвзæр Сосо) мæ фæсайдта. – букв. «Сослан-нехороший меня обманул».

Абон Уаси-йы фидиссаг (фидиссаг Уаси) дæр хисты уыд. – букв. «Сегодня Василий-позорный тоже был на поминках».

Уый дæр фæндыд, фæлæ йæ Алан-ы куыдз (куыдз Алан) нæ акодта. – букв. «Она тоже хотела, но Алан-собака ее не взял».

Из иллюстраций видно, что все эти конструкции охотно преобразуются в современные нормированные сочетания с определяющим элементом в препозиции.

Среди ученых до сих пор нет единого мнения по поводу инверсионных конструкций в осетинском языке.

В работе мы частично разделяем точку зрения Т.А. Гуриева, писавшего, что сочетания типа *фыды зæронд* напоминают изафетные конструкции в персидском и таджикском языках: «Изафетной конструкцией в языках иранской группы называют особый тип атрибутивной связи, при котором определение ставится после определяемого, оформленного изафетным показателем (в таджикском языке: -и), например, *хона* – дом, *калон* – большой, *хона-и калон* – большой дом; *когаз* – бумага, *сафед* – белый, *когаз-и сафед* – белая бумага и т.п.

Аналогичным образом мы могли бы сказать, что в осетинских сочетаниях типа: ирон. *фыды зæронд*/диг. *фиди зæронд* «определение ставится после определяемого», оформленного показателем в ирон. *-ы*, диг. *-и*; ср.: *хæдзар* – дом, *бæрзонд* – высокий, *хæдзары бæрзонд* – высокий дом, *каери* – шуба, *зæронд* – старый, *каери зæронд* – старая шуба, диг. *мади зæронд* – старая мать, ирон. *мады зæронд* и т. п.» [11, 41]. Проф. Гуриев сосредоточил свое внимание главным образом на определении сущности изафета и на роли, которую подобные конструкции играют в структуре синтаксиса осетинского языка. Автор рассматривает проблему «неправильных конструкций», опираясь на грамматику родственных языков, тем самым удается пролить свет на «темные места» в синтаксисе осетинского языка.

В заключение он приходит к выводу, что «в конструкциях изафетного типа мы должны видеть не случаи «отклонения» от нормы, не «нарушения» нормального расположения компонентов словосочетаний «по общим прави-

лам», а устойчивую и продуктивную форму, имеющую свой собственный статус, своеобразное употребление в современном осетинском языке и свою интересную историю» [15, 42].

В анализируемых конструкциях Т.А. Гуриев усмотрел характерные грамматические черты, свойственные родственным языкам. Любой исследователь языка знает, что разрешение проблемы в языке, в первую очередь, следует искать в его «корнях», т.е. в грамматике родственных языков.

Итак, внимательное изучение материала подвело к следующему выводу: в прошлом осетинского языка конструкции изафетной модели были преобладающими по сравнению с другими сочетаниями. Достаточно известно, что словообразовательные нормы в какой-то степени отражают синтаксические, то есть некоторые сложные слова образуются от словосочетаний. Это правило дает нам право полагать, что порядок композитов в них подчинен тому же правилу, что и порядок композитов в развернутом предложении. Это прочитывается так: одна часть служит определением другой, и таких сложных слов в осетинском языке достаточно, чтобы считать их образованными из застывших моделей изафетного типа. Часть из них уже неразложима в сознании современного осетина, так как своей историей уходит корнями в глубокую древность. Например, некоторые скифские имена и названия: *Æфсургъ/асна угра*, букв. «мощный конь» (отдельно слово *ургъ* в осетинском не сохранилось); *Аспарук/асна-раука*, букв. «конь светлый»; *Аспанданос/асп-андан* «конь стальной»; *Saragas /sar-agas*, букв. «голова живая» и т.д. [2, 157]

Как видно из примеров, и таких немало, определяемое слово везде в препозиции. В эту же древнюю модель словосочетаний, аналогичных изафетным, можно включить названия рек, идущих от скифских времен: *Danapr* – *Доны арф/арф дон* «глубокая река»; *Danastr* – *Дон стыр/стыр дон* «большая вода» [2, 162].

Та же модель отражается и в более поздних образованиях. Примеры: *Астæунараæг* (наряду с *нараæгастæу*) «тонкая талия», *зæрдæрог/рогзæрдæ* «легкое сердце», *сæргуыбыр/гуыбырсæр*, *сæркъул/къулсæр* «поникшая голова», *зæрдæхæлар/ хæларзæрдæ* «доброжела-

тельный», *хурзæрин/зæринхур* «золотое солнце» и т. д.

Эти многочисленные иллюстрации свидетельствуют о том, что в истории осетинского языка данный способ связи был обычным как в синтаксисе, так и в словообразовании.

Нужно отметить, что анализируемая модель – архаична, но устойчива и продуктивна в синтаксисе современного языка. И в качестве рабочей гипотезы предполагаем, что такого рода сочетания восходят к изафетным конструкциям других иранских языков.

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: АН СССР, 1949. Т. I. 601 с.
3. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
4. Цопанова Р.Г., Чингизи Э. Атрибутивные сочетания в осетинском и персидском языках // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 42 (81). С. 82-89.
5. Абаев В.И. Выражения типа *ce fripon de valet* в осетинском // Folia linguistica. 1969. С. 178–181.
6. Гæбæрæтты Н.Я. Афтæ цæмæн дзурæм? Цхинвал, 2014. 152 с. (на осет. яз.)
7. Гагкаев К.Е. Очерк грамматики осетинского языка. Дзауджикау: Севосгиз, 1952. 116 с.
8. Синтаксис // Грамматика осетинского языка. В 2-х т. / Под ред. Г.С. Ахвледиани. Орджоникидзе: СОГУ, 1969. Т. II. 387 с.
9. Дзиццойты Ю.А. Вопросы осетинской филологии. В 3-х т. Цхинвал: Республика, 2017. Т. I. 464 с.
10. Нарты кадджытæ. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2003. Т. 1. 589 с. (на осет. яз.)
11. Нарты кадджытæ. Орджоникидзе: Ир, 1989. Т. 1. 496 с. (на осет. яз.)
12. Нарты кадджытæ. Дзæуджыхъæу: Респект, 2017. 320 с. (на осет. яз.)
13. Нарты кадджытæ. Дзæуджыхъæу, 2005. Т. 3. 711 с. (на осет. яз.)
14. Гафарова Д.М., Махмудова М.Н., Султанова Ж.Г. Понятие изафета в турецком и персидском языках // Colloquium-journal. 2019. № 27. С. 73-74.
15. Гуриев Т.А. Заметки о сочетаниях типа *фыды зæронд* // Сборник избранных работ. Владикавказ: СОГУ, 2010. С. 39-42.

Doguzova, Zalina Kh. – Z.N. Vaneev South Ossetian Research Institute (Tskhinval, South Ossetia); zalina.doguzova.78@bk.ru

ON THE PROBLEM OF ARCHAIC CONSTRUCTIONS OF THE ISAFET MODEL
IN THE SYNTAX OF THE MODERN OSSETIAN LANGUAGE.

Keywords: *Ossetian language, syntactical archaism, determinant constructions, isafet.*

The problem of the functioning of outdated and unproductive forms in the modern Ossetian language is quite relevant. Outdated elements at all levels make up a huge layer in the Ossetian language. The article attempts to analyze nominal combinations in the syntax of the Ossetian language, which, despite their archaic appearance, are quite productive along with other determinative constructions common in the modern Ossetian language. Several models of syntactic constructions were identified, in which obsolete syntactic constructions of the relay model are presented. The study was conducted taking into account the linguoculturological and grammatical features of the Ossetian language. The types of inversion constructions of the relay model, mainly characteristic of the syntax of the Iranian languages, are considered: a combination of two nouns, in which the first is a definition, the second – a definable. We are talking about the position of the definition in relation to the defined, preserved in the Ossetian language. These are specific models of syntactic constructions in which, contrary to the generally accepted regularity, the definition is in postposition (behind the defined word). The peculiarity of this model is – the design according to the type of genitive constructions. As for the type of connection, it expresses an attributive one. There are several of these types of phrases (of the relay type) in the modern Ossetian language. We have a special kind of constructions, the status of which must be clearly isolated. In the textbooks of the Ossetian language, such constructions are not noted in the syntax section, and that is despite the fact that the frequency of use of this syntactic model is quite high. The purpose of the study is to study the essence of these constructions, to determine their functional and semantic role in the modern Ossetian language.

For citation: Doguzova, Z.Kh. On the problem of archaic constructions of the isafet model in the syntax of the modern Ossetian language // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 50 (89). Pp. 72-82. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.004

References

1. Yartseva, V.N. (ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 685 p.
2. Abaev, V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1949, vol. I. 601 p.
3. Plungyan, V.A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow, Russian State Humanitarian University, 2011. 672 p.
4. Tsopanova, R.G., Chingizi, E. *Atributivnyye sochetaniya v osetinskom i persidskom yazykakh* [Attributive combinations in the Ossetian and Persian languages]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2021, iss. 42 (81), pp. 82–89.

5. Abaev, V.I. *Vyrazheniya tipa ce fripon de valet v osetinskom* [Expressions like *ce fripon de valet* in Ossetian]. *Folia linguistica*, 1969, pp. 178-181.
6. Gæbæræty, N.Ya. *Aftæ tsæmæn dzuræm?* [Why are we talking there?]. Tskhinval, 2014. 152 p. (in Ossetian)
7. Gagkaev, K.E. *Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka* [Essay on the grammar of the Ossetian language]. Dzaudzhikau, Sevosgiz, 1952. 116 p.
8. Akhvlediani, G.S. (ed.). *Sintaksis* [Syntax]. *Grammatika osetinskogo yazyka. V 2-kh t.* [Grammar of the Ossetian language. In 2 vols]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University, 1969, vol. II. 387 p.
9. Dzitstsoity, Yu.A. *Voprosy osetinskoi filologii. V 3-kh t.* [Questions of Ossetian philology. In 3 vols]. Tskhinval, Respublika, 2017, vol. I. 464 p.
10. *Narty kaddzhytæ* [Nart epic]. Dzæudzhykh"æu, Iryston, 2003, vol. I. 589 p. (in Ossetian)
11. *Narty kaddzhytæ* [Nart epic]. Ordzhonikidze, Ir, 1989, vol. I. 496 p. (in Ossetian)
12. *Narty kaddzhytæ* [Nart epic]. Dzæudzhykh"æu, Respekt, 2017. 320 p. (in Ossetian)
13. *Narty kaddzhytæ* [Nart epic]. Dzæudzhykh"æu, 2005, vol. 3. 711 p. (in Ossetian)
14. Gafarova, D.M., Makhmudova, M.N., Sultanova, Zh.G. *Ponyatie izafeta v turetskom i persidskom yazykakh* [The concept of izafet in Turkish and Persian]. *Colloquium-journal*. 2019, no. 27, pp. 73-74.
15. Guriev T.A. *Zametki o sochetaniyakh tipa fydy z ærond* [Notes on combinations like *fydyzærond*]. *Sbornik izbrannykh rabot* [Collection of selected articles]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2010, pp. 39-42.